

А.В. ПОУХ

УДК 94(477.7)«14»

ЯВНО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ МАМАЙ

Дане дослідження розглядає версію можливої участі золотоординського темніка Мамає в зародженні та формуванні українського козацтва.

Ключові слова: темнік, козак, картина, Золота Орда, Велике князівство литовське, бровники, слав'яни, тюрки, алани.

Данное исследование рассматривает версию возможного участия золотоордынского темника Мамає в зарождении и формировании украинского казачества.

Ключевые слова: темник, казак, картина, Золотая Орда, Великое княжество литовское, бродники, славяне, тюрки, аланы.

This research presents the version of the possible participation of the Golden Horde's temnyk Mamay in the origin and forming of the Ukrainian Cossacks.

Key words: temnyk, Cossack, picture, Golden Horde, the Great Lithuanian Duchess, brodneyks, Slovenians, Turks, Alanes.

Интересно, какую жизнь должен прожить человек, чтобы оставить такой яркий след в истории как, например, золотоординский темник, беклярбек Мамай? На географических картах Украины и России можно найти населенные пункты Мамаи, Мамайки, реку Мамай-Сурку, Мамаеву слободу, Мамаев курган, Мамаев яр и т.д. В древнерусской литературе Московского княжества «Летописной повести о Мамаевом побоище», «Задонщине», «Сказании о побоище Великого князя Дмитрия Ивановича» - Мамай характеризуется как «нечестивый», «поганый», «преступный» [1, с.211-222]. Зато украинская фольклорная традиция видит в Мамає явно положительное явление. Один из самых популярных образов казака-рыцаря получил название «Казака-Мамає». Причем этот образ к середине XVIII века стал настолько популярным, что его можно было увидеть в каждой украинской хате, и висел он на почетном месте возле святых образов.

«Казаков Мамаєв рисовали на полотне, на стенах зданий, оконных ставнях, дверях, посуде, ульях. Часто образ дополнялся надписью: «Я казак Мамай, меня не займай.»» [2]. Упоминания о казаке Мамає можно встретить среди народных легенд, поговорок, прибауток. Но лучше всего его образ запечатлен в народной живописи: в бархатном жупане, сафьяновых сапогах и синих шароварах; круглая выбритая голова с закрученным за ухо оселедцем, длинные усы, черные брови, карие глаза, тонкий нос – типичный представитель тюркских народов, а не светлоглазых, русоволосых славян.

Так почему же все-таки казак Мамай, а не Иван, Степан или Богдан? Дошедшие до нас скудные письменные источники того времени позволяют предположить, что Мамай родился приблизительно в 1335 году, хотя точные данные не обнаружены. По отцовской линии он был возможным потомком кипчакских (половецких) ханов,

а мать его, вероятно, была дочерью золотоордынского мурзы из монгольского княжеского рода Киятов. Возвысился Мамай при золотоордынском хане Бердибеке (1357-1359), женившись на его дочери [3, 4]. Со второй половины 1350-х годов Мамай занимал должность наместника Крыма и Северного Причерноморья. В 1357 году тесть Мамаю, хан Бердибек, назначил его беклярбеком – на одну из главных должностей в администрации Золотой Орды в функции которой входило руководство армией, внешними делами и судом. После убийства Бердибека ханом Кульпой в 1359 году Мамай объявляет ему войну. Поскольку сам Мамай не принадлежал к роду Чингизидов, то он не мог быть ханом официально. В августе 1361 года он провозгласил ханом своего ставленника Абдуллаха из рода Багуидов – потомка хана Батгя. Однако другие претенденты на власть в Золотой Орде отказались признать его верховным правителем. В Орде начался период так называемой «Великой замятни» – междоусобной борьбы за власть. Нужно отдать должное Мамаю, который к 1366 году поставил под свой контроль ту огромную и наиболее богатую часть Золотой Орды, которая располагалась к западу от реки Волги. Временами ему удавалось овладеть и столицей Золотой Орды – городом Сарай на левом берегу Волги. Некоторые историки считают Мамаю ставленником генуэзских банкиров, отношения с которыми были налажены еще со времен его наместничества над Крымом. Генуэзские купцы были заинтересованы в сильной и стабильной власти в Золотой Орде, по территории которой проходил так называемый Великий шелковый путь. В междоусобной борьбе, кроме Генуи, Мамай опирался на Венецию и Великое княжество Литовское. Мы бы сейчас сказали, что он был сторонник западной ориентации в отличие от своего основного конкурента – хана Тохтамыша, который получал поддержку с востока от Тимура – защитника купцов Самарканда и Бухары. Л.Н. Гумилев

писал: «В царстве Мамаю обитали потомки половцев, алан, ясов, кософов, крымские готы и евреи, а союзниками его были литовцы и генуэзцы; сам же он был по происхождению монгол» [5, с.653].

Судьба Мамаю известна. На Куликовом поле в 1380 году русские войска победили 120-тысячное разноплеменное войска Мамаю. Л.Н. Гумилев отмечал: «Спаслись только те, у кого были быстроногие и неуставшие кони. Однако их, видимо, было немало, потому что в начале 1381 года Мамай опять стоял во главе сильного войска и пытался остановить наступление Тохтамыша, перешедшего Волгу, скорее всего, по льду. Но, когда Мамай встретил Тохтамыша на берегу Калки (близ современного Мариуполя), его войска сошли с коней и принесли присягу законному хану Чингизиду. Они не схватили и не выдали своего вождя, что, по их воззрениям, было бы предательством. Они позволили ему уехать в Крым, где Мамаю прикончили его союзники – генуэзцы...» [5, с.659-661]. Н.М. Карамзин, описывая последние дни Мамаю, утверждал, что генуэзцы не только хотели угодить победителю Тохтамышу, но, главное, завладеть мамаевой казной. Есть версия, что Мамай, после поражения в Куликовской битве, успел вывезти из Сарая ханскую казну, да и жалованье разбитой наемной армии оставалось при нем [6, с.361].

У нас есть основания сомневаться, что Мамай погиб зимой 1381 года в Крыму. Зная алчность генуэзских властей города Кафы (современной Феодосии), имея большие материальные средства, он вполне мог откупиться и даже организовать себе пышные похороны. Известный русский художник И. Айвазовский, живший в Феодосии в XIX веке и занимавшийся археологией, считал, что нашел могилу Мамаю в селении Шейх-Мамай (нынешний поселок Айвазовское). Для Мамаю в ситуации полной потери власти и положения лучшим вариантом было бы известие о его смерти, доведенное до сведения врагов. В этом случае, где бы мог

искать спасения перешедший на нелегальное положение бывший темник Мамай? Видимо, в местах родных и знакомых. Современный украинский историк, изучающий период Золотой Орды, Михаил Ельников сообщает, что еще в 1363 году в древнерусских летописях появились термины «Муратова орда» и «Мамаева орда». Исследователи считают, что центр кочевий темника Мамай находился, скорее всего, в низовьях Днепра, в районе плавневой части Великого Луга, где были военные лагеря ставленников Мамай Абдуллаха и Мухаммед-Булака. В этом регионе была сосредоточена значительная часть местного оседлого населения, что позволяло пришлым кочевникам вести комплексное хозяйство [7, с. 151]. Эти места на Днестре известны как центр зарождения украинского сечевого казачества.

Слово «казак» имеет тюркскую этимологию, а не славянскую. М.С. Грушевский писал: «Слово казак широко распространено у народов турецкого корня, оно было в употреблении у половцев и до сих пор употребляется у турецко-татарских народов, а означает бродягу, который промышляет войной и разбоем. Применялось оно для степных бродяг татарских, перешло и к нашим украинским» [8, с.174]. Современный украинский исследователь Г. Халимоненко переводит чагатайское (среднетюркское) и крымско-татарское слово «gazag» как свободный, независимый человек, искатель приключений, отважный завоеватель [9, с.109]. Термин «казак» впервые упоминается в Начальной монгольской хронике 1240 года, куда перешел из тюркских языков в значении «склонный к завоеваниям». В словаре половецкого языка «Кодексе Куманусе» (1303 г.) он фигурирует в значении «страж», «конвоир» [10, с.321]. О том, что казаки ватаги гуляли в Крыму на рубеже XIII-XIV веков, позволяют судить заметки греческого автора Синаксара 1308 года (г. Сугдея, нынешний Судак), опубликованные в середине XIX века. В них

говорится: «Того же дня сканал раб божий Алмалчу, Самоков сын, молодой человек, которого закололи казаки» [11, с.613]. Польский хронист Мартин Бельский писал, что в конце XIV века на восточных кордонах Польши существовала общность, которая по своему жизненному укладу была близка к казакам [12, т.2, с.854-855]. Этой общностью могли быть остатки мамаева воинства. Мамаю нужно было где-то укрыться и затаиться. Если Тохтамыш узнает, что Мамай жив, значит на его поимку будет направлено войско. Если попросить политического убежища в Литве, то неизбежна война между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским. Кстати, сын Мамай Мансур мог себе позволить найти убежище в Литве. Тохтамышу нужен был не он, а его отец. Мансур был принят на службу в Литве князем Ягайло. В 1399 году, после битвы на реке Ворскле, литовский князь Витовт передал Мансуру в вотчину урочище Глину на юго-восточных кордонах княжества, а его потомки получили титул князей Глинских. Так что лучшего укрытия, чем днепровские плавни, Мамаю было не найти. Эти места в то время были богаты и рыбой, и зверем, что позволяло решать вопросы с питанием воинов. Относительно недалеко - вотчина сына Мансура (территория нынешней Полтавской области), если конечно старый вояка Мамай смог дожить до этих дней. Обращает на себя внимание и многолетняя поддержка, которую оказывали Мамаю в этом регионе. Именно там он спасался после поражений в ордынских усобицах, и оттуда вновь появлялся со свежими силами. Видимо, Мамай имел высокий авторитет у местных броднических ватаг, которые контролировали все броды и перевозки через Днепр и его притоки. Бродники представляли собой смешанную славяно-аланскую общность, русскую по языку и христианскую по вере. Первое письменное упоминание о бродниках найдено в Киевской летописи под 1147 год. Тогда черниговский князь Святослав Олегович просил бродников

вместе с половцами помочь ему в борьбе с киевским князем Изяславом Мстиславичем [13, с.16]. Военизированные отряды бродников занимались лоцманством, перевозили людей, имущество, скот с одного берега реки на другой (тогда еще не умели строить мосты), сопровождали торговые караваны от одного перевоза до другого, обеспечивая надежную охрану купеческих товаров от многочисленных разбойников средневековья. Можно предположить, что объединение казаков Мамаю – «склонных к завоеваниям», личных «стражей и конвоиров» своего вождя – с ватагами бродников и стало основой украинского казачества. Для полного слияния этих военизированных общностей потребовалось почти столетие.

Первые письменные упоминания именно об украинских казаках относятся к 90-м годам XV века. Так, в 1492 году, реагируя на жалобу крымского хана Менгли-Гирея об ограблении его корабля в низовьях Днепра, под Тягиней, и другие «бесчинства киян и черкасцев», великий литовский князь Александр пообещал выяснить это дело «межи казаками» [14, с.258]. Именно об украинских казаках сообщает Менгли-Гирей в ярлыке великому князю московскому Ивану III. В нем говорится, что в 1493 году ханского посла, который возвращался из Волахии в Крым, возле днепровского перевоза «...из черкасского городка казаки потоптали, все поломали, пеша оставили» [15, т.2, с. 237]. Кстати, возглавлял отряд казаков тогда черкасский староста Богдан Глинский – прямой потомок темника Мамаю. М.С. Грушевский, рассматривая вопрос возникновения украинского казачества, утверждал, что все письменные упоминания о казаках до второй половины XV века связаны только с тюркскими казаками или казаками других народностей, но не славянами [16, т.7, с. 78]. Казачество ослабло под влиянием бродников.

Версия о тесном слиянии тюркского и славяно-аланского компонентов позволяет разгадать некоторые загадки истории

украинского казачества. Первая: исключительно вся терминология казачества является тюркской по языку, включая само слово «казак»: атаман, табор, конь, бунчук, кош, сабля, оселедец, шапка, шаровары, товарищ, люлька и т.д. Вторая: тяготение казацких сечей и лагерей к водной стихии, морская тактика, навыки судостроения (казацкие чайки). Понятно, что это – наследство бродников, но никак не тюркско-кочевников. Третья: в исторических документах запорожских казаков называют «ордынскими казаками», «кардаш-казаками», но чаще всего «черкасами». Известно, что ядро бродницких ватаг состояло из потомков аланов – некогда основных жителей Северного Причерноморья. Во времена формирования казачества народы аланского (сарматского) корня назывались ясами, косогами и черкасами. Принято считать, что современные кавказские народы: осетины, адыгейцы, абхазы и черкесы также являются потомками аланов. Кстати, Н.М. Карамзин в составе войска Мамаю на Куликовом поле называет не только татар, гунуэзцев, половцев, но и черкесов и ясов [6, с.353]. Первое же письменное упоминание о городе Черкассы относится к 1394 году, хотя понятно, что город был основан несколько раньше, например, в 1381 году – времени появления в Приднепровье остатков многоликого мамаева воинства. Не случайно, в Османской Порте казаков именовали «смешанным народом» [17, с.93]. Четвертая: щепетильное отношение казаков к вере предков, а именно к православной (греческой) ветви христианства. В рассматриваемое нами время многие татары еще оставались язычниками. Некоторые из них уже приобщались к исламу, но, скорее всего, чисто формально. А вот бродники к тому времени уже имели устойчивые религиозные традиции. Автор XVI века А. Гваньини утверждал, что потомки аланов (ясы, косоги, черкасы и пятигорские татары) были крещены еще святыми Кириллом и

Мефодием по порученню константинопольського імператора Михайла Палеолога в IX веке. В своїй хроніці А. Гваньїни писав: «Они мужественно обороняются от турков и татар, имеют свой собственный язык, христианское греческое богослужение, которое они отправляют славянским языком. Они живут лагерями, как и другие татары, при погребении своих родных и подданных устраивают богатые тризны. Они очень смелые в нападениях за добычей, в поединках и в битвах. Ради добычи они выходят на чайках в Эвксинское море, а как на кого-нибудь нападут, то грабят и берут большую добычу» [18, с.53].

Так все же, мог ли темник Мамай стояти у истоков тюрко-алано-славянської інтеграції? По времени своего исчезновения с большой политической арены – вполне. По своему авторитету и политическому «весу» у него вряд ли были конкуренты в Придніпров'ї. Головний ворог Мамає – хан Тохтамыш – декілька раз бивав в Києві, отримав військовоу допомогу від князя Витовта, його приближенні наділялись землями на южних границях Великого князства Литовського, но Тохтамыш не оставил о себе память в народе. Лихих разбойников в Україні до сих пор називають Мамаєми, а не Тохтамышами («пронесся як Мамай»). Так же «мамаєми» називають каменні статуї на степних курганах. Історики зв'язують ці изваяння з половцями-куманами. Нам известно, что в жилах Мамає текла и половецкая кровь. Не исключено, что и похоронен он был по половецкому обычаю в Придніпров'ї, а не в Крыму, со всеми атрибутами, соответствующими его положению. Народную любовь Мамай мог заслужить защищая оседлое население региона от опустошительных набегов враждующих феодалов. Дело отца продолжил сын Мансур, охраняя юго-восточные рубежи литовского государства со смешанным тюрко-славянским населением. Сын Мансура – князь Лекса – в крещении Александр Глинский, тоже был видным

воєначальником на службі у князя Витовта. Потомок Мамає – Богдан Федорович Глинский, живший в конце XV века, будучи черкаским наместником – считается одним из первых организаторов украинского казачества [3]. Таким образом, в истории Украины не только сам Мамай, но и его потомки – Мамаевичи – стремились сформировать положительный образ своего рода и оставить о себе добрую память для потомков.

Снова возвращаясь к художественному изображению казака Мамає, отметим, что эти картины были наиболее распространены на современной Полтавщине, Харьковщине, Черкащині, Черниговщине. Часто под картинами были написаны стихи, характеризующие казака Мамає. Так, например, на картине, которая находится в музее украинского образотворческого искусства в Киеве, имеется стихотворение-монолог, отдельные отрывки из которого могут подтверждать нашу версию о нелегальном проживании Мамає в Придніпров'ї.

Хоч дивися на мене, та ба – не вгадаєш
Відкіль родом і як зовуть – нічирчик не знаєш.

Коли трапилось кому у степах бувати,
То той может прізвище мое угадати.

...

Тепер бачу на світі біда,
Що мене сцурався рід.
Не бись, як був багат,
То тобі казали: Іван-брат.
А тепер, як нічого немає,
То ніхто не знає.

...

Глянь на герб знаменитий,
Він висить на дубі.
Правда, як кінь в степній волі,
То так козак не без долі.
Куди хочет – туди скачет,
За козаком ніхто не заплачет.

Бросается в глаза несоответствие названия картины «Казак Мамай» и имени «Иван-брат», от лица которого ведется стихотворный монолог. Одним из

объяснений этого несоответствия может быть прижизненная смена Мамаем своего имени, вызванная нежеланием своего обнаружения золотоордынцами, москвичами и генуэзцами. Сложнее объяснить наличие почти на всех изображениях казака Мамаю музыкального инструмента – кобзы, причем в центре художественной композиции. Сейчас сложно сказать, был ли жестокий воин Мамай творческой личностью, играл ли на музыкальных инструментах, любил ли музыку? Известно то, что украинская кобза ведет свое начало от тюркского кобыза. Самые древние кобызы имели только несколько струн. Во времена Мамаю в Приднепровье кобза была самым распространенным музыкальным инструментом. Бродячие музыканты, певшие под ее аккомпанемент назывались кобзарями. Большинство картин казака Мамаю, дошедшие до наших дней, датируются XVII-XIX веками. Это времена, когда кобзу давно уже вытеснила бандура, хотя музыкантов по-прежнему называли кобзарями. Простые люди, которые вывешивали картины казака Мамаю в своих жилищах, видели в кобзе символ певческой, творческой души украинского народа, который мог не только приобщаться к прекрасному, но и постоять за себя, так как элементы казацкого оружия также присутствуют в композиции.

Подводя итоги нашего исследования, хотелось бы отметить, что мы не претендуем на истину в последней инстанции, но версия о том, что темник Мамай мог неофициально доживать свой век в Приднепровье, имеет право на существование. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Мамай был личностью неординарной. Организаторские способности, интеллект и волевой характер позволили ему достичь больших вершин в

политике, сосредоточить в своих руках неограниченную власть на огромной территории Северного Причерноморья и Приазовья. А добрую память о нем у предков современных украинцев можно объяснить тем, что именно он мог стоять у истоков украинского козачества.

Источники и литература:

1. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1950. – 492 с.
2. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Электронный ресурс: <http://zarusskiy.org/history/2008/06/29/mamau/print/> дата обращения: 5.01.2013
4. Электронный ресурс: <http://vip-volga.narod.ru/history/mamau.html/> дата обращения: 7.01.2013
5. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М.: Из-во АСТ, 2001. – 848 с.
6. Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Правда, 1988. – 768 с.
7. Сльников М. Золотоординські часи на українських землях. К., 2008. – 192 с.
8. Грушевський М.С. Ілюстрована історія України. – К.-Львів, 1913. – 525 с.
9. Халимоненко Г. Інститут козацтва: тюркського й українського // Східний світ. – 1993. – № 1. – С. 108-115.
10. Довідник з історії України. – К.: Генеза, 2002. – 1136 с.
11. Заметки XII – XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синакаре // Записки Одесского общества истории и древностей – Одесса, 1863 – Т. 5. – С. 595 – 628.
12. Kronika Polska Marcina Bielskiego. – Sanok, 1856 – Т. 2. – S. 701 – 1222; Т. 3 – S. 1223 – 1790.
13. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми. (Матеріали “круглого столу”) // Український історичний журнал. – 1990. – № 12. – С. 12-29.
14. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. – К.: Альтернативи, 1998. – 320 с.
15. Акты относящиеся к истории Южной и Западной России: В 15 т. – СПб., 1865. – Т. 2. – 287 с.
16. Грушевський М.С. Історія України-Русі: В 11 т., 12 кн. – К.: Наукова думка, 1995. – Т. 7. – 627 с.
17. Семенов В.И., Радченко Л.Л. История Украины с древнейших времен до наших дней. – Харьков: Торсинг, 2002. – 480 с.
18. Гваньїні О. Хроніка про татарську землю. – Запоріжжя: РА Тандем – У, 2000. – 72 с.